

Элка Няголова

Известный болгарский журналист, поэт, переводчик, издатель, автор десяти поэтических книг, член Союза болгарских писателей.

Ее стихи переводились на русский, украинский, французский, английский языки. Главный редактор и издатель литературно-художественного журнала «Знаки». Глава издательства «Няголова». В Москве в 2006 году вышла книга «Каштан на ладони».

Живет в Варне.

СЕНОКОС

Мой луг скошил любимый вдохновенно
косою новой, не заметив даже,
как стон поднялся над травинкой каждой,
и замер вздох корней во мне мгновенно.
С земли райграс отчаянно сражался
рапирами с безжалостным драконом.
Один сверчок — мечтатель, сна лишённый,
среди цветов беспомощно метался.
Не отыскал четырёхпалый клевер.
А я ждала, что счастливы мы станем.
Возможно, мы для "Юга" были стары?!
Коса свистела: "Сссевер! Сссевер! Сссевер!"
Потом стемнело. Полумесяц ясный
спустил нам тайно ключик тот заветный.
Мы ключ имели. Но, утратив двери,
ушли в себя, оставив дар напрасный.

Перевод Елены Курелла

БЕЗ

Одна иссякшая река
и берега унылы;
Ничья холодная рука
поникла — и застыла.
Песок прибрежный — без следов.
Без звёзд — ночное небо.
Безлика ваза без цветов.
Без дыма трубы немы.
Ладони стужею полны.
Без колокола церковь.
Безумен смех, глаза грустны.
От раны шрам на сердце.
Цветы мороза на стекле —
послание ослепшим.
И трещина в сухой земле.
И нищие — без лева*...
Вселенная со знаком "без"!
Изменою разъятый,
весь мир, как будто бы исчез:
твой близкий друг — предатель.
« Денежная единица Болгарии

Перевод Елены Курелла

БЕЗМОЛВНО

Без слов признания в любви
тоскуют лозы.
Вытягиваясь к небесам,
пьют сумрак поздний.
Ползут до верхних этажей
и замирают —
любовной песне соловья
из тьмы внимая,
там, высоко, близ тополей,
в заветном месте —
своей любви, как вспышки, ждут
в гнездовье тесном.
Трепещут лозы песне в такт
и исступлённо
молитву шепчут по складам:
за всех влюблённых!

Перевод Елены Курелла

ЛЕС

В густом лесу нас провожает сойка —
заметила, что сбились мы с дороги.
Безмолвно лес ведёт свой спор с Высоким.
А человек — всегда с Потусторонним.
Экзаменатор по истории суровый.
(Но дерево одно для леса тщетно!)
Из гордых сосен — суд всему верховный.
Часовня для повстанцев и поэтов...
Вот, дятла стук — в врата златые рая
из века в век стучится он, не дремлет.
Туда пароля нет. Мы точно знаем.
И все мы кротко ляжем в эту землю.
А после ветер преданно растреплет
зелёные вихры травы над нами...
И над травой сверчки, незримо рея,
раскинутся цыганскими шатрами.
И будет песней плакать бесконечно
болгарский лес — от кроны и до корня.
Лес обречён сгореть в пожаре вечном.
А избранное дерево — икона.

Перевод Елены Курелла

ПРОИСШЕСТВИЕ

Удлиненные от июльского солнца,
Растут крылья птиц.
И моя тень похожа на них —
С невозможно обнаженными крыльями.
И только вечером, когда я раздеваюсь,
Снимая пышное облако платья,
Становятся видны,
Вылепленностью
Многих
Улыбок,
Переломанные
Птичьи
Крылья...

Раздень меня,
Молю тебя,
В темноте.

Перевод Ирины ГОРЮНОВОЙ

Ты протягиваешь пальцы рук,
Похожие на ветви березы
Притихшей во дворе перед домом.
И так же как ветви березы
За мною следят десятки глаз:
Не потерять твой голос;
Не намочить твоих крыльев;
Чтобы не остался и птичий хор
Только с одной партитурой в итоге...
Твои руки — тенистые стволы, которые
Обнимают внезапно моё исчезновение.

Перевод Ирины ГОРЮНОВОЙ

После таких долгих снегов
Стою в центре вселенной —
Как одно прорастающее зерно света,
Ожидающее ласки, чтобы расцвести.
Улыбка марта мне рисует
Воспоминания о солнечных днях,
А говорят, что теперь
нет больше уличных художников,
От которых отвыкли даже воробьи.
Наверно, от каких долгих снегов
Я и сама поседела —
Маскирующееся нетерпеливое лето
Среди пестрого карнавала сезонов года.
Я завяжу мартеничку
На сухом дереве на прощание.
Мне не больно — через день-два
Зима останется только воспоминанием.
После таких долгих снегов
Я не знаю, сможет ли трава,
Долго больная сухая трава
Выпить слезы капли.
Превратилась и я в снежный ком,
Набухла печалью и тревогой.
И мне нужен самый долгий поцелуй,
Чтобы растопить меня.

Перевод Ирины ГОРЮНОВОЙ

Из газеты Московский литератор, № 16, август 2006 г.

СНЕГА

Снега. Снега. Снега.
Гляжу в окошко: там птицы
разные вести клювом по снегу записывают –
и страницы потом легко перелистывают.
Снега. Без края – снега.
Поезд зубрит некрасовский стих.
Храм вдали – не приблизиться вечно.
И пейзаж, весь в белом, притих,
этой тайной – тоже отмечен.
«Всюду жизнь» – помните эту картину?
Спору нет – всюду жизнь. Но молитву творит
дальний колокол, слышу, твердит:
«Динь–донн! До–аминь! До–аминь!»
Снег бескрайний – хоть сердце вынь.
Словно входят в купе мое
миг земной и небесная милость.
Богородица рядом со мной
в русской шали ко мне наклонилась:
– Что ж ты, дочка, остыл твой чай! –
Прохожу я сквозь снег и печаль
жизнью своей – странною белой.
Вроде бы и жила. А на деле –
пестрый кончился карнавал,
и морок веселый пропал,
и просеял медленный снег
душу мою через мелкое сито...
Даже место это забыто,
триста воронов в том снегу
крохи черствые расхватили,
душу я отыскать не могу...
...Пусть другие стремятся в дали,
за некрасовским длинным стихом,
вдоль сугробов оцепенелых
и увидят: клен, а на нем –
триста воронов странно белых.

Перевод Светланы Соложенкиной

Май

Только что фокусник быстро прошел,
он соловьев выпускал из цилиндра.

Эти влюбленные соловьи.

Поют в ми миноре.

И души свои

и чужие так радуют.

Кто же учил их из сердца в сердце
лить эту нежность и магию белую?

Они от рожденья

обучены этой науке.

Как от рожденья

мы все – недоумки.

Перевод Галины Климовой

УРОК ЛЮБВИ

...А лебеди в парке
детей обучают любви.
Волна обмирает,
подол подбирает и мчится.
И молния в небе –
знаменье дурное? – блестит,
Внезапного ливня
петля затяжная. Не скрыться.
Отчаялись чайки –
ревнивых старух пересуд.
(Никто их любви
обучить не старался покуда.)
Подросшие дети
уходят (от нас!) навсегда.
И в этом, обыденном,
нет и намека на чудо.

И кто осознает? –
вокруг лихорадочный шум
ни капель дождя
из нависшей чернеющей тучи, –
то белые слезы
парящих над ней лебедей,
чьи гордые души
любви и страданию учат.

Перевод Анны Шумской

МОРСКОЕ КАЗИНО

Любимица мамы
в старом морском казино
петуния синяя
в шуме вечернего дансинга.
Еще далеко
от всех нас большая зима.
Еще счастлив отец,
державший за руку даму.
Луна, будто кран,
над нашим нависший столом,
наполнит бокалы,
но только совсем не вином,
а тайною ангельской,
что в венах с шипением бродит,
похоже точь-в-точь медовуха,
опрокинутая одним глотком.
Старое танго,
такое старое танго, –
в голове все плывет, –
аплодисменты! – и жарче кровь.
Счастлива мама –
пристегнута сбоку гитара,
и звенит
в отцовских руках сквозь тьму.
Танцует любимица...
Неутомим оркестр:
и пьяны сверчки,
от полноты бытия хлебнувши.
А я – так мала,
я – безымянное семечко
в шуме вечернего дансинга.
И мир так тяжел для меня.
...Я здесь часто стою, –

теперь казино – просто дом,
а дансинг сегодня
как сверкающее – откуда? – колечко.
Оркестр на гастролях –
из тех городов нет возврата.
Лишь птица
в той стороне все крестит небо.

Перевод Галины Климовой

Из журнала Меценат и Мир №№ 33-36

БЕЗМОЛВНО

Без слов признания в любви
тоскуют лозы.
Вытягиваясь к небесам,
пьют сумрак поздний.
Ползут до верхних этажей
и замирают –
любовной песне соловья
из тьмы внимая,
там, высоко, близ тополей,
в заветном месте –
своей любви, как вспышки, ждут
в гнездовье тесном.
Трепещут лозы песне в такт
и исступлённо
молитву шепчут по складам:
за всех влюблённых!

*перевод с болгарского
Елены КУРЕЛЛА*

Из газеты Литературная Россия №21. 26.05.2006

Пронзая сердце...

Обложка книги *Элки Няголовы «Земен гейм»* (Варна, 1997)

* * *

Когда этот мост меж землей и небом
минуем, босы,
наш след застынет на пепле белом,
как знак вопроса.
Пока ещё брод с любопытством ищем —
быть ли надежде?
Над нами звёзды — их сонм безличный
един, как прежде.
Только люди внизу в одинокой муке
заперли двери —
не научены, видно, другой науке,
лишь боли веря.
Даже небо седьмое их стоном задето
(нет нашего рая!).
Самарянка-комета вместо ответа
хвостом играет.
Век XX (римские числа точны!) —
похоже, это
лишь пустые колбы часов песочных,
лишённых света.
Может, время, властной рукой влекомо,
перевернётся,
и седьмое небо, что нам знакомо,
ещё вернётся...

* * *

Сто порожних чаш на столе.
Терпкая горечь в пустом стекле.
Это друзья наши старые
сегодня мой смех допивают
и песню твою допевают,
что лилась из гитары.
Сегодня, без струн, она не в ударе,
вроде женщины в пустом баре.
Где струны искать?
Полночь. Падают мгла.
Мимо дома дорога нас повела.
Ночь меня у тебя умыкнула, как вор,
и уже не уступит добычу свою.
Так и теплится жизнь —
до тех самых пор,
пока не поймём — в аду ли, в раю —
что пускай человек и один, всё равно
ему одиночества не дано.

* * *

В тёмном зале поскрипывает паркет —
воспоминания кружат и кружат.
Монны Лизы в Лувре простыл и след —
в этот вечер её вдруг здесь обнаружат.
Усмехнётся — нет, это не для меня —
светлые зеркала, яснеющие просторы.
Разглядят секрет
моего невлюблённого дня —
расклют меня зеркальные взоры.
Все увидят прожорливых голубей,
усеявших площадь — несметно много!
Увидят взгляды, крадущие нас, как детей, —
а за это и в ад прямая дорога.
В этом зале мама моя сидит,
а зеркало вглядывается неумолимо
в лицо её со стёртыми следами обид
и надежд, давно проскользнувших мимо.
Каждый стих мой ей обещал — прости! —
что-то важное, да не выдался случай.
Я сжимаю счастье её в горсти,
но оказывается — это каштан колючий.
Так и жму его, забывшись, пока
мою руку боль не пронзает злая,
мою длань беспутную... Да что там рука —
сердце пронзает.

* * *

Как же ты, птенец залётный, белый,
оказался здесь по ошибке
и увидел в настороженном мраке
не своё гнездо — чужую планету?
Всё здесь тревожное, всё другое —
и глаза злые, и зябкие одежды,
и ставшие оловянными крылья
(с такими и не мысли об отлёте).
И куда теперь? В штыки встречен,
нечаянный маленький пришелец,
всё поёшь ты голосом скитальца,
которого в чужой двор пустили,
поёшь перед шествием мундирным,
поёшь перед строем чёрноперым.
Эй, кричат они, сдерите перья
или в чёрный цвет его покрасьте!
Не бывать тому, чтобы чужие
обретались среди нашей стаи.
Не гнездо ему — скуйте золотую
клетку всеми окнами на север,
пусть надёжная дверь будет в клетке,
вот тогда задумается птенчик,
тогда небо сквозь неё увидит.

.....

Адресом ошибся. Ошибся планетой.
Но теперь помолись — другая птица,
тоже белая, споёт тебе, и — чудо! —
о тебе будет эта песня.
А когда пройдёт малое время,
вас узнают по окольцованным лапкам,
виновато и смущённо удивятся —
как, такие всё ещё в стае?
Им ответьте — нам даровано прощенье
перед тем, как принять крещение,
как летать в этом мире научиться.

Перевод Ирины Васильковой